

ЛЮСИ МОД

МОНТГОМЕРИ

*ЭНН С ОСТРОВА ПРИНЦА
ЭДУАРДА*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Люси Мод Монтгомери

Энн с острова Принца Эдуарда

«Издательство АСТ»

1915

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

Монтгомери Л.

Энн с острова Принца Эдуарда / Л. Монтгомери —
«Издательство АСТ», 1915 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-176198-1

Восемнадцатилетняя Энн Ширли вместе с верными друзьями покидает Эйвонли, чтобы начать учебу в Редмондском университете. Впереди девушку ждут новые знакомства, неожиданные испытания, радости и открытия. Энн взрослеет, ищет свое место в жизни, учится отличать мимолетные увлечения от настоящего чувства и пытается понять, чего же хочет ее сердце. Но несмотря на все перемены, Энн остается самой собой – рыжеволосой неунывающей и искренней мечтательницей, верной своим идеалам.

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-17-176198-1

© Монтгомери Л., 1915

© Издательство АСТ, 1915

Содержание

Глава 1. Ветер перемен	6
Глава 2. Осенние гирлянды	11
Глава 3. Прощальные напутствия	15
Глава 4. Апрельская леди	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Люси Мод Монтгомери

Энн с острова Принца Эдуарда

Всем девушкам мира, которые хотели узнать больше об Энн

Кто страстно сокровище ищет,

С годами его обретет,

И Любовь с Судьбою свыше

Покров с него сорвет

А. Теннисон

© Перевод. В. Бернацкая, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Глава 1. Ветер перемен

«Прошла жатва, кончилось лето»¹ – процитировала Энн слова из Библии, мечтательно обводя взглядом опустевшие поля. Они с Дианой Барри собирали яблоки в Зеленых Крышах, а сейчас, отдыхая от трудов праведных, присели в солнечном уголке сада. Легкий ветерок, напоенный все еще летним, благоуханным ароматом папоротников из Зачарованного Леса, нес на своих воздушных крылышках семена чертополоха.

Но все вокруг не забывало напоминать об осени. Вдали угрюмо шумело море, осиротевшие, высохшие поля окаймлял желтый золотарник, а берег ручья, бегущего ниже Зеленых Крыш, утопал в нежно-фиолетовых астрах. Озеро Мерцающих Вод было синим-синим, и это не была переменчивая весенняя синева или нежная лазурь лета. Вода обрела ясную, основательную спокойную синь, словно ей надоели прежние забавы и игры, и она нашла наконец покой, неподвластный легкомысленным мечтаниям.

– Лето было прекрасным, – сказала Диана, с улыбкой покручивая новое колечко на левой руке. – А его венцом стала свадьба мисс Лаванды. Наверно, мистер и миссис Ирвинг сейчас на Тихоокеанском побережье.

– У меня такое ощущение, что за это время они могли бы с успехом совершить кругосветное путешествие, – вздохнула Энн. – А ведь прошла всего неделя. И сколько перемен! Нет мисс Лаванды, уехали мистер и миссис Аллен. Как сиротливо выглядит пасторский дом с закрытыми ставнями! Вчера я проходила мимо, и у меня было чувство, словно в доме покойник.

– У нас никогда не будет такого священника, как мистер Аллен, – с мрачной уверенностью объявила Диана. – Этой зимой на нас посыплются, как из рога изобилия, многочисленные кандидаты, но по воскресным дням мы частенько будем оставаться без проповеди. Уедете и вы с Гилбертом – хоть вешайся!

– Фред останется, – проговорила лукаво Энн.

– А когда к вам переедет миссис Линд? – Диана поспешила сменить тему, словно не расслышала этих слов.

– Завтра. Я этому рада – правда, это еще одна перемена. Вчера мы с Мариллой полностью освободили гостевую комнату. И знаешь, мне это было неприятно. Глупо, конечно, но наши действия казались мне кошунством. Старая комната всегда представлялась мне святилищем. В детстве я считала ее самым таинственным местом в мире. Помнишь, как меня преследовало желание провести ночь в комнате для гостей? Но это не относилось к гостевой комнате в Зеленых Крышах! Нет, никогда! Это казалось невероятным – я и глаз не сомкнула бы от благоговейного страха. Когда Марилла посылала меня с каким-нибудь поручением, я не могла просто пройти по этой комнате, а ступала робко, на цыпочках, затаив дыхание, будто нахожусь в церкви. А выходя оттуда, чувствовала большое облегчение. По обе стороны от зеркала там висели портреты Джорджа Уайтфилда² и герцога Веллингтона³, которые сурово сдвигали брови, когда я находилась в комнате – особенно, если осмеливалась глянуть в зеркало. Но это было единственное зеркало в доме, которое не искажало изображение. Меня всегда удивляло, как Марилла осмеливается убирать эту комнату. А сейчас ее не просто убрали, а, можно сказать, вылизали. Джорджа Уайтфилда и Герцога препроводили наверх. «Так проходит мирская

¹ Иеремия, 8:20. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Джордж Уайтфилд (1714–1770) – английский проповедник, один из основателей протестантской церкви методистов.

³ Артур Уэсли, первый герцог Веллингтон (1769–1852) – британский полководец, победитель битвы при Ватерлоо.

слава»⁴, – произнесла Энн со смехом, в котором присутствовала и грустная нотка. Неприятно, когда рушатся старые кумиры, даже если вы их переросли.

– Без тебя здесь будет очень одиноко, – жалобно произнесла Диана – наверное, в сотый раз. – Не могу поверить, что ты уезжаешь уже на следующей неделе.

– Но пока мы вместе, – подбодрила ее Энн. – Мысль о расставании не должна омрачать эти радостные дни. Мне самой тяжело покидать Зеленые Крыши, с которыми сроднилась навек. Ты говоришь об одиночестве! Но горевать нужно мне. Ты останешься среди друзей... и Фред будет рядом! Меня же будут окружать чужие люди – ни одной родной души.

– Будет Гилберт... и Чарли Слоун, – сказала Диана, копируя лукавую интонацию Энн.

– Чарли Слоун – большое утешение, конечно, – с иронией согласилась Энн, и обе легкомысленные девицы заливисто расхохотались. Диана прекрасно знала, что думает Энн о Чарли Слоуне, но отношение подруги к Гилберту Блайту оставалось неясным, несмотря на частые доверительные беседы. Да Энн и сама этого толком не знала.

– Насколько мне известно, пансион мальчиков находится на другом конце Кингспорга, – продолжила Энн. – Но я рада, что еду в университет, и уверена, что со временем полюблю это место. Однако первые недели на стенку лезть буду, это точно. В Королевской Академии нас хотя бы на уикенд отпускали домой, и с каким нетерпением я этого ждала. А тут только каникулы на Рождество, а до него еще тысячу лет.

– Все меняется или вскоре изменится, – печально проговорила Диана. – У меня такое чувство, что ничего уже не будет по-прежнему.

– Думаю, мы находимся на перепутье, – сказала задумчиво Энн. – Этого не избежать. Уж не знаю, Диана, так ли хорошо взрослеть, как мы думали в детстве.

– Даже не знаю, что сказать. Кое-что хорошее в этом есть, – ответила Диана, теребя колечко с особой улыбкой, всегда вызывающей у Энн чувство собственной неполноценности. – Но многое озадачивает. Иногда мысль о неотвратимом взрослении пугает, и тогда кажется – все на свете отдала бы, чтоб снова оказаться в детстве.

– Думаю, со временем мы привыкнем быть взрослыми, – весело предположила Энн. – Неожиданностей будет все меньше – хотя именно они вносят изюминку в жизнь. Сейчас нам по восемнадцать. Через два года будет двадцать. В десять лет мне казалось, что двадцать – глубокая старость. Так что не успеем опомниться, как ты превратишься в степенную матрону, а я в обходительную старую деву – тетушку Энн, приезжающую к тебе в отпуск повидаться. У тебя ведь найдется уголок для меня, правда, Ди? Конечно, не гостевая комната – на это я не претендую? Разве старая дева может на такое рассчитывать. Подобно Урии Гипу⁵, я буду смиренной и довольствуюсь укромным местечком подальше от гостиной.

– Что за чушь ты несешь, Энн, – рассмеялась Диана. – У тебя будет лучший на свете богатый красавец-муж, ни одна гостевая комната в Эйвонли не устроит тебя, и ты будешь задира́ть нос перед друзьями юности.

– Печальная участь! Мне нравится мой нос, и я не уверена, что вздернутый будет лучше, – сказала Энн, поглаживая очаровательный носик. – Больше мне гордиться нечем, и я не могу себе позволить испортить то единственное, чего не стыжусь. Поэтому, даже если я выйду замуж за короля Каннибаловых островов, обещаю тебе, Диана, не задира́ть нос.

Весело посмеявшись на прощание, девушки расстались – Диана направилась домой, в Яблоневый Косогор, а Энн – на почту. Там ее ожидало письмо, и, когда Гилберт Блайт нагнал Энн на мосту через Озеро Мерцающих Вод, она светилась от счастья.

⁴ Перевод латинской фразы «Sic Transit Gloria Mundi».

⁵ Урия Гип – отрицательный персонаж из романа Ч. Диккенса «Дэвид Копперфильд», злодей и циник, прикидывающийся смиренным.

– Присцилла Грант тоже едет в Редмонд, – воскликнула Энн. – Разве это не чудесно? Я на это надеялась, но сама Присцилла не думала, что отец ее отпустит. Однако его уговорили, и, выходит, мы будем жить с ней вместе в одном пансионе. С такой подружкой, как Присцилла, можно противостоять целой армии со знаменами, и ни один профессор теперь не страшен.

– Думаю, Кингспорт нам понравится, – сказал Гилберт. – Говорят, это уютный старинный городок с чудесным заповедником. Природа там великолепная.

– Не думаю, что она лучше, чем в наших краях, – тихо проговорила Энн, оглядываясь вокруг любовно-восхищенным взглядом человека, для которого дом – лучшее место на свете и другого такого не найти.

Опершись на перила моста, они молча стояли, впитывая очарование сумерек – как раз у той опоры, на которую Энн вскарабкалась из тонущей плоскодонки, когда изображала Элейн, плывущую в Камелот⁶. Багровый цвет заката еще окрашивал западное небо, но луна уже поднималась над горизонтом, и ее серебристый отблеск падал на спокойную гладь озера. Нежная тень воспоминаний окутала молодых людей.

– Ты очень молчалива, Энн, – проговорил Гилберт.

– Боюсь разрушить эту благостную красоту, – прошептала она.

Неожиданно Гилберт положил ладонь на тонкую белую руку, лежащую на перилах моста. Его карие глаза потемнели, все еще мальчишечьи губы приоткрылись, готовые произнести слова полные мечтаний и надежды. Но Энн отдернула руку и быстро повернулась.

– Мне нужно домой! – воскликнула она с наигранной беззаботностью. – У Мариллы с утра разболелась голова, а близнецы в это время дня обычно ходят на голове, с ними трудно. Нужно торопиться.

Энн, как показалось бы со стороны, непринужденно болтала о всякой всячине, пока они не подошли к тропе, ведущей к Зеленым Крышам. У бедного Гилберта не было никакого шанса вставить хоть словечко. Когда они расстались, Энн почувствовала облегчение. Со времени той, сблизившей их, минуты откровенности в саду Обители Эха⁷ у нее возникла странная неловкость в общении с Гилбертом. Что-то непонятное вторглось в давнее знакомство одноклассников, и оно могло испортить старую дружбу.

«Раньше меня никогда не радовало расставание с Гилбертом, – думала с печалью и обидой Энн, поднимаясь по тропе. – Если он не оставит эти глупости, нашей дружбе придет конец. А мне этого не хочется. Почему мальчики такие неразумные?» Собственная «разумность» тоже была под вопросом. Она до сих пор ощущала на руке нежное прикосновение Гилберта и не могла назвать это чувство неприятным. Другое дело – когда подобную вольность позволил себе три дня назад Чарли Слоун во время танцев на вечеринке в Уайт-Сэндз. Вот это было по-настоящему отвратительно – Энн даже передернуло от воспоминания. Но проблемы, связанные с потерявшими голову поклонниками, мгновенно испарились, стоило ей оказаться в простой, лишенной сентиментальности атмосфере кухни Зеленых Крыш, где, уткнувшись в диван, лил горькие слезы восьмилетний мальчик.

– Что случилось, Дэви, где Марилла и Дора? – спросила Энн, заключив его в объятия.

– Марилла укладывает Дору, – рыдал Дэви, – а я плачу, потому что Дора свалилась в погреб головой вниз и весь нос исцарапала, и...

– О, не плачь, дорогой. Я понимаю, как ты расстроен, но слезами горю не поможешь. До завтра у нее все заживет.

– Я плачу по другой причине. Не потому, что Дора свалилась в погреб, – оборвал нравоучение захлебывающийся от рыданий мальчик. – А потому, что я не видел, как это произошло. Вечно все интересное проходит стороной!

⁶ Смотри «Энн из Эйвонли» – вторую книгу из серии про Энн.

⁷ См. «Эйн из Эйвонли».

– О, Дэви! – Энн с трудом подавила нечестивое желание рассмеяться. – Что интересного в том, что бедняжка упала с лестницы и расшиблась?

– Не очень-то она и расшиблась, – возразил с вызовом Дэви. – Если б она и правда уби-лась насмерть, я бы горевал. Но нас, Китов, не так просто укокошить. В этом мы похожи на Блюитов. В прошлую среду Херб Блюит свалился с сеновала и, прокатившись по собранной репе, оказался прямиком в стойле, чуть ли не под копытами злобного дикого жеребца. Однако он уцелел, отделавшись тремя сломанными ребрами. Миссис Линд говорит, что некоторых людей и топором не убьешь. А что, миссис Линд завтра к нам переезжает?

– Да, Дэви, и, надеюсь, ты всегда будешь с ней вежлив и обходителен.

– Да, не беспокойся... Она что, будет меня укладывать спать?

– Возможно, а что?

– А то, что при ней я не смогу молиться, как делал при тебе.

– Это почему же?

– Не думаю, что хорошо говорить с Богом при посторонних. Дора может поступать, как хочет, а я не стану. Подожду, когда миссис Линд уйдет, а потом прочитаю молитвы. Так можно, Энн?

– Можно, если не забудешь этого сделать, Дэви.

– Вот те крест, не забуду. Ведь читать молитвы забавно. Но при других это совсем не то, что при тебе. Не уезжала бы ты, Энн. Не пойму, чего ты так рвешься уехать и бросить нас.

– Рвусь – не то слово, Дэви, просто я понимаю, что это необходимо.

– Но если не так сильно хочешь, то и ехать не надо. Ты ведь взрослая, Энн. Когда я вырасту, буду делать только то, что хочется, – ничего через силу.

– Во взрослой жизни, Дэви, тебе часто придется делать не то, чего тебе хочется.

– Вот уж дудки, – решительно заявил Дэви. – Как бы не так! Сейчас мне приходится делать разные неинтересные вещи, иначе вы с Мариллой отправите меня в постель. А когда я вырасту, никто не сможет мне указывать, что делать. Вот будет лафа! А знаешь, Энн, мать Милти Булдера говорит, что ты едешь в университет, чтоб подцепить себе жениха. Это правда? Я хочу знать.

На секунду Энн чуть не задохнулась от возмущения, но тут же рассмеялась. Не следует обращать внимания на слова грубой и пошлой миссис Булдер.

– Вовсе нет, Дэви. Я еду учиться, чтобы взрослеть и узнавать много нового о разных вещах.

– О каких?

– «О башмаках и сургуче, капусте, королях»⁸, – процитировала Энн.

– А вот если б ты захотела подцепить жениха, с чего бы начала? Я хочу знать, – настаивал Дэви. Было видно, что этот вопрос его заинтересовал.

– Лучше спроси об этом миссис Булдер, – сказала Энн, не подумав. – Она наверняка больше меня знает, как это делается.

– Обязательно спрошу, как только ее увижу, – серьезно сказал Дэви.

– Дэви! Даже не вздумай! – Энн осознала свою ошибку.

– Но ты сама мне велела, – с разочарованием произнес Дэви.

– Тебе пора в постель, – вышла из затруднительного положения Энн.

Уложив Дэви, она пошла к Острову Виктории и там сидела в одиночестве, окутанная сумеречным лунным светом. У ее ног смеялась вода и сливались в дуэте ветер и ручей. Энн всегда любила это место. Сколько фантазий родилось у нее здесь у чистой, сверкающей воды! Ее и сейчас не оставляли мысли о влюбленных юношах, соседках с ехидными насмешками и прочих девичьих проблемах. В своем воображении она рассекала легендарные моря, когда-

⁸ Строчка из стихотворения «Морж и Плотник» английского писателя и математика Льюиса Кэрролла (1832–1898).

то омывавшие берега затерянной Атлантиды и таинственного Элизиума⁹, следуя путеводной звезде, ведущей ее в Страну Мечтаний. Эти грезы были богаче реальности: ведь все зримое когда-нибудь исчезает, а фантазии живут вечно.

⁹ Элизиум – понятие из античной мифологии, обозначающее блаженную часть загробного мира, обитель для героев и праведников.

Глава 2. Осенние гирлянды

Последние недели пролетели быстро, заполненные незримыми и бесконечными «делами напоследок», как говорила Энн. Нужно было со всеми попрощаться, и эти визиты были либо приятные, либо не очень – в зависимости от того, симпатизировали люди устремлениям Энн или считали, что она заважничала и надо «поставить ее на место».

В честь Энн и Гилберта «Общество улучшателей» устроило прощальный вечер в доме Джози Пай, выбрав это место отчасти из-за того, что дом большой и удобный, а отчасти из-за того, что сестры Пай отказались бы от участия в проводах, если б предложение собраться у них в доме не было принято. Вечер удался. Вопреки обыкновению сестры Пай были очень милы и любезны и не сделали ничего такого, что бросило бы тень на мероприятие. Джози была настроена очень дружелюбно – настолько, что снисходительно похвалила Энн:

– Тебе идет новое платье, Энн. Выглядишь в нем почти хорошенькой.

– Как это мило с твоей стороны, – отозвалась Энн с лукавым блеском в глазах.

Ее чувство юмора набирало силу, и слова, которые в четырнадцать лет ее бы ранили, теперь могли только позабавить. Джози подозревала, что в глазах Энн таится усмешка, но никак на это не отреагировала и только шепнула Гертти, спускаясь вниз: «Теперь Энн, став студенткой университета, станет еще больше воображать – вот увидишь!»

Собралась вся «старая банда», атмосфера была веселая и задорная, полная юношеской беспечности. Присутствовали все: розовощекая, с очаровательными ямочками Диана Барри, за которой тенью следовал верный Фред; аккуратная и разумная Джейн Эндрюс; Руби Джиллис – неотразимая в шелковой блузке кремового цвета и с красным цветком герани в золотистых волосах; Гилберт Блайт и Чарли Слоун – оба старались держаться поближе к быстрой и неуловимой Энн; Кэрри Слоун, бледная и печальная: говорили, что ее отец запретил Оливеру Кимбаллу даже приближаться к их дому; Муди Сперджен Макферсон, чье круглое лицо и торчащие уши были такими же круглыми и торчащими, как всегда; и Билли Эндрюс, просидевший весь вечер в углу, хихикая всякий раз, когда к нему обращались; он тоже с довольной усмешкой на широком, веснушчатом лице не спускал глаз с Энн Ширли.

Энн было заранее известно о вечере, но она понятия не имела, что им с Гилбертом, как основателям «Общества», торжественно преподнесут «адрес» и памятные подарки. Ей – томик пьес Шекспира, а Гилберту – авторучку. Энн была так удивлена и растрогана добрыми словами в «адресе», который пафосно зачитал в пасторской манере Муди Сперджен, что в ее больших, серых глазах заблестели слезы. Она всецело отдавалась делам «Общества», и на душе у нее стало тепло от того, что друзья это поняли и высоко оценили. Все казались ей удивительно милыми, дружелюбными и искренними, даже у сестер Пай оказались свои достоинства. В эту минуту Энн была готова обнять весь мир.

А вот завершение вечера было несколько испорчено. Когда они ужинали на залитой лунным светом веранде, Гилберта охватило сентиментальное настроение, и он совершил ошибку, сказав Энн несколько нежных слов. Желая его наказать, Энн стала кокетничать с Чарли Слоуном и разрешила тому проводить ее домой. Однако выяснилось, что неоправданная жестокость больше ранит того, кто ее причиняет. Гилберт с беспечным видом, как ей показалось, пошел провожать Руби Джиллис, и они, смеясь и болтая, неспешно удалялись в прохладной тишине. Похоже, эта парочка неплохо ладила, в то время как Энн изнывала от скуки, слушая непрерывный монолог Чарли Слоуна, который за весь вечер не сказал ничего стоящего. Энн время от времени рассеянно вставляла «да» или «нет», а сама вспоминала, как обворожительно выглядела сегодня Руби, и невольно отмечала, насколько заметнее при лунном свете лупоглазость Чарли. Она пришла к выводу, что мир не такое уж прекрасное место, как ей казалось в начале вечера.

«Все дело в том, что я просто устала», – с облегчением сказала себе Энн, оказавшись наконец одна в комнате. «Конечно, дело именно в этом», – повторяла она. Но на следующий вечер, увидев из окна Гилберта, вышедшего из Зачарованного Леса и твердой, бодрой походкой пересекавшего ручей по старому бревенчатому мостику, она испытала невероятный прилив радости, хлынувшей из какого-то тайного источника. Значит, Гилберт не собирается провести последний вечер накануне отъезда с Руби Джиллис.

– У тебя усталый вид, Энн, – сказал Гилберт.

– Да, я чувствую себя уставшей, – призналась Энн. – И не только... я почти в бешенстве. Устала я от того, что весь день собирала чемодан и многошила. А в бешенстве из-за того, что ко мне приходили поочередно шесть женщин пожелать счастливого пути, и каждая умудрилась сказать что-нибудь такое, от чего жизнь начинала терять краски и все вокруг становилось серым и мрачным, как ноябрьское утро.

– Вот старые перчатки, – участливо отозвался Гилберт.

– Все нет, – сказала серьезно Энн. – В этом все и дело. Будь они вредные, я бы их в расчет не брала. Но они как раз милые, добрые, по-матерински заботливые, любят меня, и я их люблю. Поэтому их слова и намеки много для меня значат. Эти женщины дали мне понять, что ехать в Редмонд и добиваться степени бакалавра гуманитарных наук – чистое безумие, и теперь я в раздумье: а вдруг они правы? Миссис Слоун со вздохом выразила сомнение, выдержу ли я академическую нагрузку, и я вдруг представила, как к концу третьего курса становлюсь безнадёжной жертвой нервного истощения. По мнению миссис Эбен Райт, четыре года учебы в университете слишком дорогое удовольствие, и я поняла, насколько безответственно тратить деньги – свои и Мариллы – на мою прихоть. Миссис Белл выразила надежду, что университетские нравы не испортят меня, как бывает с некоторыми, и меня пронзил страх, что к выпуску я превращусь в невозможное существо, которое задирает нос и смотрит сверху вниз на всех и все в Эйвонли. А миссис Илайша Райт предположила, что девушки в Редмонде, особенно те из них, что живут в Кингспорте, «ужасно выпендриваются и разодеты в пух и прах». Буду ли я чувствовать себя с ними на равной ноге? И я увидела перед собой затюканную, плохо одетую, деревенскую девушку, шаркающую по аудиториям Редмонда в ботинках с красно-коричневыми носами.

Энн закончила свой рассказ коротким смешком. Любое неодобрение – даже со стороны тех людей, чье мнение мало значило для нее, – ранило эту чувствительную натуру. На какое-то время жизнь утратила для нее очарование, а честолюбивые стремления потухли, подобно задутой свече.

– Тебя не должно заботить их мнение, – запротестовал Гилберт. – При всех достоинствах наших соседей у них очень ограниченный взгляд на вещи. Все непривычное предается анафеме. Ты первая девушка из Эйвонли, которая поступила в университет, а, как тебе известно, всех первопроходцев считают безумцами.

– Да, я это знаю. Но чувство отличается от знания. Здравый смысл говорит мне, что ты прав, но временами здравый смысл покидает меня. И тогда в меня вселяются разные нелепые мысли. Представляешь, после ухода миссис Райт у меня руки тряслись, и я не могла собрать чемодан.

– Ты просто устала, Энн. Выбрось все это из головы. Пойдем лучше погуляем по лесу за болотом. Там должна быть одна вещь, которую мне хочется тебе показать.

– Должна быть? То есть, ты не уверен, что она там есть?

– Не уверен. Но из того, что я видел весной, полагаю, что есть. Пойдем. Представим себя снова детьми и пойдем, куда ветер дует.

И они с легким сердцем отправились в путь. Помня о погубленном вечере предыдущего дня, Энн была очень мила с Гилбертом, а тот, проявив мудрость, вел себя как старый школьный друг, не больше. Миссис Линд и Марилла смотрели из окна кухни вслед молодым людям.

– Прекрасная будет пара, – одобрительно произнесла миссис Линд.

Марилла невольно поморщилась. В глубине души она мечтала об этом союзе, но ей было неприятно, что миссис Линд говорила о нем так обыденно, словно передавала последнюю сплетню.

– Они еще дети, – категорично заявила она.

Миссис Линд добродушно засмеялась.

– Энн – восемнадцать. В этом возрасте я была уже замужем. А мы, Марилла, просто состарились, и нам кажется, что наши дети никогда не вырастут. Энн – молодая женщина, а Гилберт – молодой мужчина, и он боготворит землю, по которой она ступает. Это всем видно. Он прекрасный парень – лучше Энн не найдет. Только бы ей не набраться в Редмонде всякой романтической ерунды. Не нравится мне это совместное обучение и никогда не нравилось. И я не верю, что молодежь в таких местах занимается чем-то серьезным. У них один флирт на уме, – заключила она.

– Им все же приходится немного учиться, – сказала с улыбкой Марилла.

– Разве что чуть-чуть, – фыркнула миссис Рейчел. – Хотя Энн, думаю, будет прилежно учиться. Она никогда не была склонна к флирту. И все же жаль, что Гилберта она не ценит, как он того заслуживает. Ох, уж эти девушки! Чарли Слоун тоже по ней с ума сходит, но выходить за него я бы ей не посоветовала. Конечно, все Слоуны – хорошие, честные, уважаемые люди. Но, если присмотреться, они всего лишь СЛОУНЫ!

Марилла понимающе кивнула. Для человека со стороны утверждение, что Слоуны всего лишь Слоуны, осталось бы непонятным, но ей оно было яснее ясного. В каждом поселке есть подобное семейство – все его члены могут быть хорошими, честными, уважаемыми людьми, однако они СЛОУНЫ, и навсегда такими останутся, несмотря на все их ангельские речи.

* * *

– Теперь этот лес действительно зачарованный – в нем живут призраки воспоминаний, – сказала Энн, наклоняясь, чтобы сорвать папоротник – его восковая белизна говорила о прошедших ночных заморозках. – Я так и вижу двух маленьких девочек – Диану и себя, – которые по-прежнему здесь играют или сидят в сумерках у Ключа Дриады, дрожа от страха перед призраками. У меня до сих пор мурашки по коже, когда я под вечер иду по этой тропе. Один выдуманный нами призрак резанного ребенка был особенно страшен – он подкрадывался сзади и хватал за руку ледяными пальцами. И мне чудится, что я так и слышу, как он украдкой следует за мной. Я не боюсь ни Белой Дамы, ни обезглавленного мужчины, ни скелетов, а вот призрак этого ребенка лучше бы мне не выдумывать. Как же рассердила эта наша игра Мариллу и миссис Барри! Страшно вспомнить! – закончила Энн, улыбаясь своим воспоминаниям.

В лесу за болотом в лиловых просветах между деревьями дрожала легкая паутина. Миновав мрачные заросли шишковатых елей, а потом утопающую в кленах солнечную долину, они подошли к тому, что искал Гилберт.

– А вот и она, – с удовлетворением произнес Гилберт.

– Яблоня здесь? В лесу? – воскликнула восхищенная Энн.

– Да, настоящая, дарящая плоды яблоня, затерявшаяся среди сосен и буков, далеко от ближайшего сада. Весной я случайно здесь оказался и увидел ее – всю в цвету. Тогда и решил непременно прийти сюда осенью, чтобы посмотреть, будут ли на ней яблоки. И смотри, она увешена ими сверх меры! И выглядят аппетитно – темно-желтые, с красноватыми бочками. У большинства диких яблонь плоды зеленые, не соблазнительные.

– Наверное, когда-нибудь в прошлом сюда занесло семечко, – мечтательно проговорила Энн. – И как только ему удалось пустить корни, прижиться и существовать среди чужаков?.. Какая отважная, стойкая яблоня!

– Садись на это упавшее дерево с подушкой из мха, Энн. Представим, что это лесной трон. А я полезу за яблоками. Они висят высоко – видно, что дерево изо всех сил тянулось к солнцу.

Вкус яблок был выше всяких похвал. Под коричневатой кожицей оказалась нежная белая мякоть с редкими красноватыми прожилками, а к обычной сладости садовых яблок примешивался необычный пикантный привкус, которого не было у культурных соплеменников.

– Даже роковое яблоко из райского сада не могло иметь более изысканный вкус, – сказала Энн. – Однако пора домой. Смотри, три минуты назад были еще сумерки, а сейчас все окрашено лунным светом. Какая жалость, что мы упустили переходный момент. Впрочем, такие моменты, думаю, уловить невозможно.

– Давай обойдем болото и вернемся домой по Тропе Влюбленных. Дурное настроение оставило тебя, Энн?

– Я о нем даже не помню. Эти яблоки как манна небесная для изголодавшейся души, – искренне проговорила Энн. – Я чувствую, что полюблю Редмонд и проведу там четыре потрясающих года.

– А что потом после этих четырех лет?

– Будет какой-то новый поворот в жизни, – не задумываясь, ответила Энн. – Пока не хочу об этом думать. Так интереснее.

В этот вечер Тропа Влюбленных была особенно чарующая – спокойная и таинственная в бледном сиянии луны. Молодые люди шли неторопливо, в приятном дружеском молчании, ни одному из них не хотелось говорить.

«Будь Гилберт всегда таким, как в этот вечер, как было бы все просто и замечательно», – подумала Энн.

Гилберт не мог отвести от девушки глаз. Стройная, в легком платье она напоминала белый ирис.

«Удастся ли мне когда-нибудь завоевать ее любовь?» – думал он с болью в сердце.

Глава 3. Прощальные напутствия

В понедельник утром Чарли Слоун, Гилберт Блайт и Энн Ширли покинули Эйвонли. Энн рассчитывала на хорошую погоду. Диана собралась отвезти ее на станцию, и девушки надеялись, что их последняя совместная поездка будет приятной. Но когда в воскресенье вечером Энн ложилась в постель, стонущий за окном восточный вечер не сулил ничего хорошего. И его зловещее обещание сбылось. Проснувшись, Энн увидела, как крупные капли дождя бьются в окно и рассекают серую поверхность пруда, оставляя на воде расходящиеся круги. Туман поглотил холмы, и мир стал казаться тусклым и мрачным. Энн встала рано, чтобы успеть на поезд, прибывающий к отплытию парохода, и одевалась в безрадостном полумраке, глотая слезы, льющиеся против ее воли по щекам. Она покидала родной дом, самое дорогое для нее место, и предчувствие говорило, что покидает его навсегда. Только на каникулы она сможет приезжать сюда, а это не то же самое, что постоянно здесь жить. Какое же здесь все родное и любимое – ее беленькая комната под крышей, приют детских мечтаний; постаревшая Снежная Королева за окном; звонкий ручей в долине; Приют Дриады; Зачарованный Лес и Тропа Влюбленных! Тысяча дорогих мест, пронизанных воспоминаниями прежних лет. Будет ли она счастлива, лишившись всего этого?

В то утро завтрак в Зеленых Крышах был овеян печалью. У Дэви, наверное, впервые в жизни кусок в горло не лез, и он, не стесняясь, лил слезы, размазывая овсянку по тарелке. Аппетит у всех отсутствовал, только Дора с удовольствием поглощала еду. Подобно бессмертной и рачительной Шарлотте, которая «хлеб с маслом уплетала»¹⁰, когда мимо проносили на ставне бездыханное тело ее безумного возлюбленного, Дора принадлежала к тем счастливым созданиям, которых трудно чем-то потревожить. Трудно вообразить нечто, что могло бы нарушить ее безмятежность. Конечно, она сожалела о том, что Энн уезжает, но это не мешало ей отдать должное яйцу-пашот на бутерброде. Нисколько не мешало. Видя, что Дэви отложил тарелку в сторону, она съела и его порцию.

Диана приехала вовремя на двуколке; ее лицо раскраснелось под серым дождевиком. Пришло время прощаться. Миссис Линд вышла из своей комнаты, чтобы сердечно обнять Энн и напомнить о необходимости следить за своим здоровьем при любых обстоятельствах. Марилла в своей резкой манере, с сухими глазами чмокнула Энн в щеку и выразила надежду, что та сразу подаст о себе весть, как только устроится на новом месте. Со стороны могло показаться, что к отъезду Энн она относится равнодушно, но, присмотревшись, случайный наблюдатель прочел бы в ее глазах истинные чувства. Дора степенно поцеловала Энн в щеку, выдавив из себя две показательные слезинки, а Дэви, льющий слезы на заднем крыльце с тех пор, как все вышли из-за стола, наотрез отказался прощаться. Увидев, что Энн направляется к нему, он вскочил на ноги, мигом взбежал по задней лестнице и укрылся в платяном шкафу, из которого ни за что не хотел вылезать. Его сдавленные рыдания были последними звуками, которые слышала Энн, отъезжая от Зеленых Крыш.

Дождь лил всю дорогу до Брайт-Ривер – именно на эту станцию ехали девушки, так как поезда, идущие через ближайшую станцию Кармоди, не доходили до порта Шарлоттауна. Когда они добрались, Чарли и Гилберт были уже на перроне, и поезд как раз дал свисток. Энн еле успела купить билет, оформить багаж и расцеловаться с Дианой. Сердце так и рвалось вернуться с Дианой в Эйвонли – она боялась, что умрет от тоски по дому. Хоть бы унылый дождь прекратился! Он словно оплакивал ушедшее лето с его милыми радостями. Даже присутствие

¹⁰ Строка из стихотворения «Страдания Вертера» английского писателя-сатирика Уильяма Мейкписа Теккерея (1811–1863).

Гилберга не приносило утешение – ведь рядом был еще и Чарли Слоун, а «слоунизм» можно терпеть только в хорошую погоду. В дождливую погоду он невыносим.

Однако когда пароход покинул гавань, все изменилось к лучшему. Дождь неожиданно прекратился; сквозь облака проглянуло солнце, окрасившее свинцово-серую воду медным сиянием и оживив дымку, затянувшую красноватые берега острова. Все это вместе предвещало хороший день. А тут еще у Чарли Слоуна разыгрался приступ морской болезни – да так, что ему пришлось спуститься в каюту. Энн и Гилберт остались на палубе вдвоем.

«Как хорошо, что все Слоуны, оказавшись в море, страдают от морской болезни, – без тени жалости подумала Энн. – Разве можно с трепетом бросить прощальный взгляд на «родимый берег», если рядом стоит Чарли, делая вид, что испытывает те же сентиментальные чувства?»

– Ну, вот мы и отплыли, – прозаически произнес Гилберт.

– Сейчас я испытываю те же чувства, что и байроновский Чайльд-Гарольд – только для меня это не совсем «родимый берег», – сказала Энн, отчаянно моргая, чтобы не расплакаться. – Думаю, мой «родимый берег» – Новая Шотландия. Но ведь настоящая родина – то место, которое любишь больше всех остальных, и для меня таким является добрый старый Остров Принца Эдуарда. Мне трудно представить, что я не жила здесь всегда. Первые одиннадцать лет вспоминаются, как страшный сон. Семь лет назад миссис Спенсер привезла меня сюда на этом же пароходе из Хоуптауна. Видел бы ты меня в приютском ужасном платье из жесткой полушерстяной материи и выцветшей матросской шляпе! На пароходе я облазила все углы и, разжигаемая любопытством, обошла палубы и каюты. Вечер приезда был изумительный – берега Острова, красноватые от местной глины, красиво поблескивали на солнце. И вот я снова пересекаю этот пролив. Ах, Гилберт, надеюсь, я полюблю Редмонд и Кингспорт, но пока в этом не уверена.

– А где твой философский настрой, Энн?

– Он погребен под накрывшей меня гигантской волной одиночества и тоски по дому. Три года я ждала этого момента, а сейчас на пути в Редмонд меня невыносимо тянет домой. Впрочем, что это я? Философский настрой и радостное настроение обязательно вернутся, только перед этим мне нужно хорошенько выплакаться. Это просто необходимо, но нужно дожидаться, когда я окажусь в постели в каком-нибудь пансионе. И тогда Энн снова станет прежней Энн. Хотела бы я знать, вылез ли уже Дэви из шкафа.

В девять часов вечера поезд подошел к Кингспорту. Молодых людей ослепил голубой свет переполненного народом вокзала. Энн была основательно сбита с толку, но тут ее крепко обняла Присцилла Грант, еще с субботы живущая в Кингспорте.

– Ну, вот и ты, дорогая! Думаю, ты устала и валишься с ног, как было со мной по приезде.

– Устала! Не то слово. Я чувствую себя измученной и глупенькой провинциальной девочкой примерно лет десяти. Ради бога, отвези свою несчастную, измученную подругу куда-нибудь, где она сможет прийти в себя.

– Мы сразу поедем в пансион. Кэб ждет нас неподалеку.

– Какое счастье, что ты здесь, Присси. Не будь тебя, я наверняка села бы тут на чемодан и горько заплакала. Какое утешение увидеть знакомое лицо в толпе горластых незнакомцев!

– Неужели это Гилберт Блайт? Как он возмужал за последний год! Когда я учительствовала в Кармоди, он выглядел еще как школьник. А это, конечно, Чарли Слоун. Вот кто совсем не изменился – ни капельки! Наверное, таким он родился и до восьмидесяти лет останется таким же. Сюда, дорогая. Еще двадцать минут – и мы дома.

– Дома, – простонала Энн. – Ты называешь домом какой-то отвратительный пансион и еще более отвратительную спальню, окно которой выходит на грязный задний двор?

– В нашем пансионе нет ничего отвратительного, Энн. А вот и кэб. Залезай, а водитель займется твоим багажом. Наш пансион совсем неплох, и ты сама завтра утром в этом убе-

дишься. После ночного отдыха мир предстанет перед тобой в более радужном свете. Этот большой старинный дом из серого камня на Сент-Джон-стрит расположен недалеко от Редмонда – пешком можно дойти. Раньше в районе жили сливки общества, но мода меняется, и теперь дома на Сент-Джон остаются только вспоминать о былом величии. Эти дома очень большие, и потому хозяевам приходится сдавать комнаты, чтобы дом не пустовал. Во всяком случае, так представляют положение наши хозяйки. Они просто души – это я говорю о хозяйках.

– Сколько же их?

– Двое. Мисс Ханна Харви и мисс Ада Харви, близнецы лет пятидесяти.

– Близнецы просто преследуют меня, – сказала с улыбкой Энн. – Где бы я ни оказалась, они тут как тут.

– Теперь эти дамы уже не близнецы. После тридцати они перестали ими быть. Мисс Ханна не очень элегантно постарела, а мисс Ада осталась тридцатилетней, но тоже без особой элегантности. Не знаю, умеет ли улыбаться мисс Ханна – я никогда не видела на ее лице улыбки, но зато мисс Ада улыбается все время – и я не могу понять, что хуже. Но обе – милые, добрые создания, и каждый год они сдают две комнаты, потому что для рачительной мисс Ханны невыносимо сознавать, что в доме «зря пропадает лишнее место». И делают они это не потому, что им не хватает денег, как уже семь раз успела сказать мне мисс Ада. Наши комнаты находятся рядом, и окна моей – действительно смотрят на задний двор. А из окна твоей комнаты видно кладбище Сент-Джон, которое находится на противоположной стороне улицы.

– Звучит мрачно, – поежилась Энн. – Уж лучше вид на задний двор.

– Все не так страшно. Подожди – сама увидишь. Сент-Джон – очень старое кладбище, там давно никого не хоронят, и оно превратилось в одно из достопримечательностей города. Вчера я исходила его вдоль и поперек и получила большое удовольствие. Оно обнесено толстой каменной стеной, вдоль которой растут огромные деревья. Внутри тоже ряды деревьев, и много старых диковинных надгробий с необычными, удивительными надписями. Непременно сходи туда и сама все увидишь. Как я уже сказала, на кладбище теперь никого не хоронят. Правда, несколько лет назад там водрузили красивый монумент в память о солдатах Новой Шотландии, павших в Крымской войне. Он стоит как раз напротив входа, и, говоря твоими словами, там найдется «простор для воображения»... А вот и доставили твой багаж, и мальчики пришли пожелать нам спокойной ночи. Как думаешь, Энн, я обязана пожать руку Чарли Слоуну? У него всегда холодные и какие-то склизкие руки. Нужно пригласить их навещать нас иногда. Мисс Ханна сурово объявила мне, что «молодые джентльмены» могут приходить к нам в гости два раза в неделю – разумеется, в подходящее время. А мисс Ада с улыбкой попросила меня проследить, чтобы те не сидели на ее вышитых подушках. Я обещала, но про себя подумала: а где им тогда сидеть? Разве только на полу, ведь подушки с батенбергскими кружевными чехлами у нее лежат повсюду. Одну из них она даже положила на крышку рояля.

Энн от души рассмеялась. Веселая болтовня Присциллы достигла своей цели – тоска по дому на какое-то время отступила и даже когда Энн осталась одна в новой комнатке, не нахлынула вновь в полной мере. Энн подошла к окну и выглянула наружу. На улице было темно и тихо. Над деревьями кладбища Сент-Джон взошла яркая луна и осветила темную голову огромного каменного льва на постаменте. Энн не верилось, что утром она еще была в Зеленых Крышах. Это не укладывалось в голове – так много событий и переездов случилось за этот день.

«Наверное, луна смотрит сейчас с высоты и на Зеленые Крыши, – вдруг пронзила ее мысль. – Но не надо думать об этом, иначе опять накатит приступ тоски. Даже плакать себе не позволю – отложу до более подходящего времени. А сейчас постараюсь быть умницей спокойно лягу в постель и усну».

Глава 4. Апрельская леди

Кингспорт – своеобразный старый городок, дающий представление о ранних колониальных временах и, окутанный атмосферой прошлого, напоминает элегантную пожилую даму, одетую по моде ее юности. Местами ростки современности вторгались в него, но сердцевина оставалась неповрежденной. В городе было много любопытных реликвий, и местные легенды придавали ему романтический флер. В былые времена это был форпост, расположенный на границе с индейцами, которые иногда давали жару поселенцам. Позднее разросшийся городок стал семенем раздора между англичанами и французами; он частенько переходил из рук в руки, и каждый раз очередная оккупация оставляла свой след в его облике.

Посреди городского парка до сих пор стоит каменное укрепление, так называемая «башня мартелло»¹¹, испещренная туристическими откровениями; за городом, на холмах, можно увидеть руины старой французской крепости, а на площадях – несколько допотопных пушек. Любознательные туристы могут открыть для себя и другие исторические достопримечательности, и наиболее впечатляющая из них – старое кладбище Сент-Джон, расположенное в самом центре города. С двух его сторон протянулись тихие улочки со старинными особняками, а с двух других – современные, шумные улицы с новомодными постройками. Житель Кингспорта не может не испытывать благоговейного трепета перед этим священным местом, ибо если он чего-то стоит, то у него обязательно найдется похороненный на кладбище предок под странной, покосившейся плитой, стоящей в головах могилы или покровительно ее накрывающей, на которой выбиты основные даты и факты его жизни. Истинных произведений искусства среди этих памятников не найдешь. Большинство изготовлено из грубо обработанного бурого или серого местного камня, и лишь в немногих случаях мастер попытался как-то приукрасить свое детище. В то время было принято вырезать на камне череп и скрещенные кости, и этот мрачный символ часто соседствовал с головкой ангела. Многие надгробия были повалены или разбиты. Почти все они пострадали от разрушительного действия времени – некоторые надписи были полностью стерты, другие – с трудом поддавались расшифровке. На кладбище было тесно от могил и сумрачно от ив и вязов, под сенью которых мирно почивали покойники, убаюканные ветром и шелестом листвы, и их не тревожили шум и гам современного города по другую сторону стены.

На следующий день Энн совершила свою первую – из многих последующих – прогулку по кладбищу Сент-Джон. Утром они с Присциллой отправились в Редмонд, чтобы зарегистрироваться в качестве студенток, но после регистрации они были полностью свободны – других дел в университете пока не было, и это радовало. Что за радость оказаться в толпе незнакомых юношей и девушек, по большей части растерянных и словно не понимающих, на каком свете они находятся!

Девушки-первокурсницы стояли в стороне небольшими группами по двое или по трое, искоса поглядывая друг на друга. Юноши-первокурсники – постарше и опытнее – столпились на большой парадной лестнице и во всю силу молодых легких орала песни, что было своего рода вызовом извечным врагам – второкурсникам, которые с высокомерным видом свободно расхаживали взад-вперед, бросая презрительные взгляды на мелюзгу. Гилберта и Чарли нигде не было видно.

– Вот уж не думала, что придет день, когда я буду рада видеть кого-нибудь из Слоунов, – сказала Присцилла, идя рядом с Энн по университету. – А сейчас я безумно хочу взглянуть в выпученные глаза Чарли! Все-таки они знакомые.

¹¹ Башня Мартелло – небольшая круглая крепость, предназначенная для обороны. Название происходит от генуэзской башни на мысе Мортелла, признанной трудно доступной при ее осаде.

– Да, – вздохнула Энн. – Что я испытала, когда стояла в очереди, дожидаясь внесения моего имени в списки, не передается описанию! Я чувствовала себя ничтожной капелькой в огромном, наполненном ведре. Плохо сознавать свою незначительность, но еще хуже догадываться, что ты никогда... никогда... ее не преодолеешь. Именно такие чувства я испытывала. У меня было ощущение, что я невидимка, и кто-то из второкурсников может невзначай на меня наступить. И что такой меня опустят в могилу – неоплаканной, бесславной, нецененной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.